

ПЕТЕРБУРГ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Анализируются основные сценарии развития межкультурных взаимодействий и научный дискурс, направленный на осмысление этой актуальной для современного Петербурга проблематики. Делается вывод, что социально-политический ракурс рассмотрения данной проблематики недостаточен. Необходимо структурное и функциональное изучение межкультурных взаимодействий, призванных раскрыть основные механизмы их осуществления.

Ключевые слова:

глобализация, культура, межкультурные взаимодействия, Санкт-Петербург.

Взаимодействие между культурами – важнейшая проблема современного мира, находящегося в стадии формирования глобальной культурной реальности. Сегодня практически не найти ни одной сферы человеческой деятельности, которая не была бы прямо или косвенно связана с контактами между культурами. Все происходящее в экономике, политике, науке, праве, в искусстве и повседневной жизни сейчас не просто пребывает в контексте межкультурных взаимодействий, но во многом и детерминировано ими.

Процессы глобализации протекают не в чистом виде целесообразности и взаимообогащения культур, но полны латентных конфликтов и открытых столкновений. Хотя диалог между культурами является, по сути, механизмом обновления и расширения диапазона возможностей всех и каждого, он в то же время связан и с культурной аннигиляцией, ассимиляцией, взаимным непониманием и враждой. Понимание важности решения проблем связанных с межкультурными контактами побудило специализированное подразделение ООН – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization – объявить 2010 г. годом межкультурного сближения [10]. Осмысление места и роли межкультурных контактов признается чрезвычайно важным и своевременным, поскольку от развития взаимоотношений между культурами зависит будущее всего человечества.

В условиях необратимости глобализационных процессов перед всеми народами остро встают вопросы соотношения глобального и уникального, определения режима и границ межкультурного сближения, проблемы культурной идентичности. В этом плане проблема межкультурных взаимодействий оказывается чрезвычайно актуальной и для современного много-

национального и поликонфессионального Петербурга, который активно включается в глобальные процессы, и в тоже время пытается воссоздать историю культурной преемственности, уйти от идеологических штампов, найти смысловые и ценностные ориентиры, сформировать векторы целей и приоритетов будущего развития.

Санкт-Петербург, как и многие другие самобытные культурные центры, развивается в сочленении двух противоположных тенденций: (1) выработки адекватных жизненным условиям форм существования; (2) обращенности к практикам, претендующим на универсальность. Данные тенденции обуславливают процессы интеграции и дезинтеграции проживающих в городе народов и культур, влияя тем самым на структурные, функциональные и динамические характеристики культурной жизни Северной столицы. В связи с этим важно отметить, что современное внимание к изучению глобализационных процессов, обусловлено не сугубо академическим интересом, но насущной необходимостью разобраться в происходящем.

Изучение специфики культурных влияний позволяет утверждать, что региональная замкнутость человечества сегодня перестала играть доминирующую роль. Использование электронных средств коммуникации, знакомство с культурными артефактами и текстами различных народов, международное телевидение, всемирные трансляции, общение с путешествующими и мигрантами, личный опыт посещения стран – всё это создаёт множество реальных и воображаемых межкультурных связей, формирует новую реальность принципиально отличную от наблюдаемой ещё полвека назад.

Трансформация культуры ведет к изменению форм культурной идентичности горожан, к «глобализации биографии»

[1, с. 135] Среди вариантов межкультурного сближения наблюдается культурная гибридизация, которая наряду с диффузией, адаптацией и др. представляет важнейший элемент культурогенеза. Следует отметить, что гибридизация проявляется не только как объективированная социокультурная практика, но и как проблема субъекта. Например, сегодня имеет место ситуация, когда различные системы рациональности встречаются в сознании отдельно взятого человека. Будучи вместилищем разного культурного опыта, человек, постоянно «перепакует» его в сознании, создавая ситуацию возможности утраты собственной идентичности. Данные культурные процессы, в частности, представляют необоснованным оптимизм «конструктивного плюрализма», согласно которому осуществление людьми свобод позволяет сохранить все виды культурного наследия. В то время как реальные взаимодействия между культурами отмечены не только достижениями, но и драматическими событиями, реальными культурными утратами, восстановление которых часто оказывается невозможным. Развитие данной тенденции в будущем не может быть исключено, тем более что очаги межкультурных столкновений сегодня наблюдаются в идеологической, экономической, религиозной, социальной сфере, и распространение демократии и плюрализма проблему конфликтов не снимает.

Воззрения, обосновывающие и обуславливающие западный вектор развития, для петербургской культуры традиционны. С первых дней своего существования город развивался под немецким, затем галльским, позднее англосаксонским влиянием. Сегодня культурные изменения в этом направлении отмечены модернизацией всех областей жизни, а также «духа свободы» и распространения либерально-демократических ценностей. Проблема отождествления Петербурга с Западом видится в том, что, воспринимая себя европейским центром, Петербург неминуемо оказывается в роли провинциала, поскольку заявленная позиция ставит нас в соотношение «более и менее развитого» и заставляет признать, что город по очень многим параметрам отстает от западноевропейских столиц. Ошибка восприятия данного пути как безусловного блага для Петербурга кроется в сближении представлений об уровне культуры и техническом совершенстве. Угрозы современной вестернизации видятся в уничтожении самобытности города, пос-

кольку его культура оказывается включенной в глобальный рынок, где конкурируют не только товары, но и мировоззрения, ценности, образ жизни. Поскольку не каждая оригинальность и самобытность способна выдержать эту конкуренцию, вестернизация грозит нормативно-ценностной инфляцией и даже «культурным банкротством» [2, с. 13–41]. Здесь обнаруживается расхождение логики рынка и культурной логики. Создается взаимодействие, определяемое как «товарная многокультурность» [7, с. 152–153]. То есть речь идет о ситуации, когда глобальный рынок, требуя расширения предложений, «выдерживает» наиболее «продаваемые», способные быть «раскрученными» элементы из конкретных культур и рекомендует их «своему потребителю» как наиболее ценные и привлекательные. При этом в большинстве случаев они упрощаются и лишаются контекста, поскольку базируются на единой матрице, которая ориентирована на западное мировоззрение общества высокой культуры потребления.

Данная практика делает уязвимым положение «радикального конструктивизма» о том, что культуры самореферентны, замкнуты на собственных описаниях. Хотя такое понимание вроде бы и модифицирует классическое представление о диалоге культур как о свободном взаимодействии открытых систем, поскольку принимает во внимание наличие закрытых сегментов культуры, позволяющих успешно противостоять разнообразным манипулятивным техникам. Однако оно не отменяет исторического факта, заключающегося в том, что западный стиль потребления инокультурных ценностей со временем лишает носителей тех или иных вариантов идентичности понимания вкладываемых в собственную культуру смыслов. Анализируется ли эта проблема как практика маскировки западных стандартов знаками местного быта, обычаев, этнонимов и топонимов – «глобальный локалитет» [3]. Или как технология «вирусного воспроизводства» западных культурных норм [4, с. 128]. Свободная от осмысления интеграция с Западом чревата уходом в небытие не нашего сиюминутного применения опыта, утратой уникальных механизмов передачи культурного наследования, растратой природных и человеческих ресурсов. То есть цена, которую мы платим за вестернизацию, оказывается совершенно неприемлемой. В связи с этим, возникает ощущение, что, в отличие от «зеленых»,

выдвинувших в 1980-х лозунг «думать глобально, действовать локально», всемирная вестернизация движется под девизом «думать локально, действовать глобально». Рассмотрение этого пути развития как безальтернативного и единственно возможного трудно признать удовлетворительным.

Осуществление межкультурных контактов в русле концепции «многополярного мира» также весьма проблематично [5; 6]. Несмотря на большое количество жизнеутверждающих теорий, предполагающих сложение нескольких значимых на глобальном уровне метакультур, формирующихся на основании: наличия общей истории, комплементарности народов, родстве языков, сходства этических и религиозных воззрений, едином экономическом, юридическом, географическом пространстве, реальный опыт межкультурных взаимодействий иной. Например, идея С. Хантингтона о сложении христианского евроатлантизма, конфуцианского, исламского, индуистского и буддийского мира абсолютно не соответствует реалиям многонационального Петербурга, где представлены все виды конфессий, и религиозные представления могут отличаться даже у членов одной семьи. Несоответствие данной теории реальному опыту российских взаимодействий проявляется также в том, что с соседними странами, совсем недавно входившими в состав СССР, с которыми культурное родство очень сильно, политическое и экономическое сотрудничество постоянно встречает серьезные препятствия. В свою очередь, с далекими в культурном и мировоззренческом плане странами Дальнего Востока, Южной и Центральной Азии, напротив, очень продуктивно. Например, Индия, Корея и Китай лидируют не только как самые крупные контрагенты экономической жизни Санкт-Петербурга, но и в других сферах межкультурного обмена.

Подмеченный парадокс не умаляет объединяющий потенциал идеи евразийского культурного пространства, которая опирается на восприятие русской культуры как неевропейского феномена, обладающего уникальным соединением западных и восточных черт. Однако в настоящее время евразийство в основном реализуется как политический проект противостояния вестернизации. И это не специфика евразийства, но результат его включенности в концепцию многополярности. Создающиеся блоки и союзы оказываются обреченными на борьбу за умы, ресурсы, глобаль-

ные рынки, что негативно сказывается на процессе межкультурного общения во всех сферах. В связи с этим данный подход к включенности в глобальный мир в открытой или латентной форме всегда содержит в себе конфликтные зоны, столкновение интересов, противостояние людей, в том числе и на улицах города, потому его трудно признать оптимальным.

Рассмотрение межкультурных взаимодействий Петербурга как глокальных процессов, т.е. одновременного разрывывания тенденций – глобализации и локализации, интернационализации и регионализации, унифицированного обезличивания и пестования обособленной самобытности представляется наиболее адекватным и не лишенным эвристического потенциала. Например, анализ взаимовключенности глобального и локального позволяет обнаружить межкультурные контакты нового типа, поскольку в современный диалог включены представители «традиционных» и «современных» культур, «современных» и «транссовременных», а также последних с первыми.

Анализ глокальных реалий открывает поле для широкого спектра исследований коллективного и межличностного уровней взаимодействий. Представляются продуктивными идеи о том, что распространенное представление о модернизации как процессе европеизации, а затем американизации, ущербно, поскольку способствует отчуждению неофитов модерна от собственной культуры. В то время как именно восточные культуры, содержат ключевые для понимания глобального общества принципы солидарности со всеми поколениями – жившими, живущими и теми, которые еще будут жить на Земле [8, с. 974]. Таким образом, данный способ мышления основывается на том, что все цивилизации обязаны быть чувствительными к чужеродному, какие бы формы оно ни принимало. Это широко распространившееся отношение, уже введенное рядом стран в конституции, до сих пор себя не оправдало, поскольку ни теория, ни практика мультикультурализма так и не выработали инстанции для культурного единства.

Решение обозначенной проблемы отчасти связано с идеей трансгресса, согласно которой не следует подводить культуры под общий знаменатель, но надо дать всем носителям культурной самобытности возможность сотрудничать и развиваться в совместном мире, научиться делать чужих другими. Это, как предполагается, мож-

118 | но осуществить на основе ситуационного трансверсального разума [9, с. 260–285], который ничего не охватывает, не создает единой тотальности, но в то же время связывает. Механизмом межкультурного сближения здесь становится вычленение неприкосновенного «культурного ядра», которое обеспечивает культурную идентичность, а сотрудничество организуется на второстепенных, «предпоследних» основаниях, то есть на том, что для каждой из взаимодействующих культур непринципиально. Эти области как раз и становятся ресурсом объединения, местом обнаружения ситуационных единств, нахождения компромиссов, общности.

Сила данной теории состоит не столько в объяснительном потенциале. Пожалуй, она не поможет раскрыть сущность межкультурных контактов Петербурга, хотя и обращает нас к попытке вычленения собственного своеобразия. Скорее она может быть интерпретирована как руководство к действию. Однако, очевидными проблемами здесь выступает отсутствие всеобщего консенсуса по данному вопросу и нежелание представителей отдельных народов и

культур участвовать в этом процессе. Открытым остается вопрос и о механизмах совместного решения общечеловеческих проблем, таких как экологические катастрофы, религиозный экстремизм, экономические и ресурсные кризисы, неблагополучие внутреннего мира человека, который утрачивает себя задолго до физической смерти, а также глобализирующаяся тенденция по десубъективизации мира.

Осмысление теоретических подходов, посвященных рассмотрению глобальных тенденций межкультурного взаимодействия, приводит к мысли о доминировании в последних социальной, политической и экономической проблематики и в связи с этим некотором абстрагировании от исторической конкретики, отчужденности от проблем внутреннего мира реальных носителей той или иной культурной самобытности. В связи с этим становится очевидной необходимость анализа места и роли межкультурных контактов в истории культуры конкретных регионов, исследования сложных многоуровневых процессов взаимодействий с точки зрения их морфологии и культурной функции.

Список литературы:

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибка глобализма – ответы на глобализацию. – М., 2001. – 304 с.
2. Гречко П. Империя – императив нового мирового порядка // Свободная мысль. – М, 2004. – С. 33–49
3. Савицкая Т. Новая Локальность. – Интеллектуальная Россия. – СПб., 2007. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.intelros.ru/2007/02/17/tatjana_savickaja_novaja_lokalnost.html
4. Сардар З., Вин Дэвис М. Почему люди ненавидят Америку. – М., 2003. – 240 с.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004. – 637 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. – 603 с.
7. Krczynski K. Cultural Development and Globalization: How to Protect Cultures as Life Support Systems? // Culturelink. Special Issue. – Zagreb, Croatia. 2000. – P. 147–159 (180).
8. Luyckx M. The transmodern hypothesis: towards a dialogue of cultures // Futures. – 1999, № 31 (2000 The Global cent.), 9–10, November–December – P. 971–982.
9. Welsch W. Unsere postmoderne Modern. – Weinheim, 1987. – 344 S.
10. Пресс-коммюнике ЮНЕСКО №. 2010 – 20 // 24.02.2010. – Интернет-ресурс. Режим доступа: unesco.ru/ru/?module=news&action=view&id=71